

Неосведомленные в делах суетились, пытаясь выведать хоть что-то у других, а те, кто был хорошо информирован, спешили поскорее поделиться последними новостями.

Каждый был охвачен волнительным возбуждением.

— Как думаешь, кто этот демон? Сун Цзюэфэй, один из бывших Двух жемчужин Павильона Меча. Увидев, как его наставник убивает ради достижения Дао, он был настолько потрясен, что впал в состояние одержимости. Кто бы мог подумать, что спустя десять с лишним лет его культивация не только не упадет, но даже вырастет, и он сумеет сбежать из тюрьмы...

— А я слышал, что он не сбежал, а пробился с боем. Десять святых из монастыря Шифан Куто — трое погибли, семеро ранены.

— Но ведь все десять мастеров были буддийскими практиками уровня не ниже Стадии Малой Колесницы! Да и с поддержкой массивов тюремный монастырь сотню лет считался неприступной крепостью. Какова же сейчас культивация этого демона? Стадия Великой Колесницы или уже ложный Святой?

Кто-то вздыхал:

— Не повезло же Павильону Меча. За триста лет — два гения, подававшие надежды стать святыми. И вот, пожалуйста: один убил учителя и предал орден, другой попросту стал демоном. Мало того, что не прославили родные стены, так еще и приходится самим же исправлять ошибки.

Для нынешних студентов события десятилетней давности были лишь легендами, услышанными от других. Но вздыхали они вполне искренне — уж слишком громкими были имена тех двоих. В детстве, на фоне шумихи вокруг Двух жемчужин, каждый мечтал, что в его семье родится такой же гений. Однако таланты не даются легко, и разочарований всегда было больше, чем надежд. А когда они подросли, то застали крах легенд: Нин Фухуань убил наставника, Сун Цзюэфэй сошел с ума. И родители, вспоминая о том, как быстро увядают ранние таланты, снова заговорили о том, что обычная жизнь — это и есть счастье.

Если та история была далеким и недостижимым событием, то битва Сюй Жань и Чжун Шилу — это то, в чем можно было поучаствовать лично.

Последние два дня Сюй Жань чувствовала себя не в своей тарелке. Боевые практики обладают острыми чувствами, и она прекрасно ощущала, как некоторые, полагая, что ведут себя скрытно, украдкой разглядывают её. Когда это стало повторяться слишком часто, она просто махнула рукой.

Даже Чэн Цяньжэня успели окружить в коридорах Академии Наньшань с расспросами, причем единственным поводом было то, что он — друг Сюй Жань.

Бесплатное зрелище, да еще и без оплаты — это его порядком раздражало.

Даже сокурсники, которые при встрече обычно одаривали его насмешливыми взглядами, снизили до общения:

— Эй, ты знаешь, как Сюй Жань собирается драться? Какую саблю выберет?

Чэн Цяньжэнь закинул на плечо сумку с книгами и обошел их:

— Не знаю.

Наконец настал выходной.

После пяти дней учебы нет ничего лучше, чем договориться с друзьями и пойти посмотреть на захватывающий поединок, а после — поболтать в уютном месте за чашкой вина. Это одно из главных удовольствий жизни. И даже очередь на проверку жетонов при входе не могла остудить пыл студентов.

Жаль только, что погода подкачала: над городом Наньян уже несколько дней висели тучи, солнца не было видно. Впрочем, дул легкий ветерок, развевающий широкие рукава весенних одежд, — было мягко и приятно.

Ступени вокруг тренировочной арены, выложенные синим камнем, к часу дракона были заполнены наполовину. Лучший обзор открывался с северной трибуны, но студентам вход туда был заказан, поэтому многие толпились на террасе второго этажа здания Цзяньань.

Когда Сюй Жань пришла, то увидела море голов:

— Все такие свободные в последнее время?

Чэн Цяньжэнь ответил:

— Учеба только началась, заданий мало. К концу года точно будет не так.

Гу Сюэцзян посмотрел на Сюй Жань:

— Дрись так, как я говорил. Если не пойдет — сразу признавай поражение.

Чэн Цяньжэнь протянул ей небольшой тканевый сверток:

— Чуть не забыл отдать.

Гу Сюэцзян принял его, взвесил на руке:

— Что там?

Чэн Цяньжэнь:

— Чжюлю сшила тебе наколенники. Примерь, подходят по размеру?

— ...Не буду примерять. Даже если не подойдут, времени переделывать всё равно нет.

Чэн Цяньжэнь кивнул:

— Тоже верно.

Сюй Жань в отчаянии воскликнула:

— Я еще даже не начала драться! Не надо тут заранее нагонять уныние!

Гу Сюэцзян подумал: у тебя слишком сильное желание победить, если получишь тяжелую травму и не захочешь отступить, мне придется идти просить за тебя. Вслух же он сказал:

— Какое уныние? Вон посмотри, все пришли с семечками и сладостями, просто поглазеть. Ты тоже особо не напрягайся, дерись как получится.

Чэн Цяньжэнь подумал: Гу-второй сказал, что нельзя оказывать на неё давление. В таких боях против более сильного противника слепое стремление к победе легко может повредить Путь Боевых Меридианов.

Он добавил:

— Закончишь пораньше — Чжулю сказала, что на обед будет свинина в красном соусе.

Разговаривая, они уже подошли к краю арены.

Сокурсники Сюй Жань, увидев её, принялись отчаянно махать руками:

— Глава Сюй! Глава Сюй обязательно победит!

Толпа обернулась на крики, раздались одобрительные возгласы, люди начали расступаться, освобождая дорогу.

Чэн Цяньжэнь и Гу Сюэцзян затерялись в толпе, найдя на ступенях место с неплохим обзором.

Сюй Жань оглянулась на них, прошла сквозь людское море и направилась вперед.

Её друзья были позади, её противник — на арене.

Когда эта троица прибыла, Чжун Тяньюй тоже появился в окружении свиты. Всего за несколько дней он успел завести кучу друзей и теперь повсюду был окружен вниманием, как луна звездами.

Он повернулся к молчаливо следовавшему за ним Мечнику-слуге и небрежно бросил:

— Ступай.

Так, словно отдавал команду псу.

Безмолвный Мечник-слуга с мечом в руках поднялся на арену.

Остальные подошли к ступеням у края площадки, оживленно болтая и смеясь — им уже давно приберегли лучшие места.

Кто-то, подобострастно улыбаясь, заметил:

— Господин Чжун, ваш Мечник-слуга такой дисциплинированный.

Чжун Тяньюй, делая вид, что ему всё равно, ответил:

— Это же Мечник-слуга, по сути — просто слуга, конечно, он должен знать свое место. Мой род содержит его не для того, чтобы он ел даром.

Кто-то спросил:

— А почему его зовут Чжун Шилю? Это порядковый номер среди слуг? Позвольте спросить, сколько же у вас в доме прислуги?

Эти люди всегда питали любопытство к делам четырех великих фамилий имперской столицы.

— Какие еще порядковые номера? Перед тем как отправиться в Наньюань, этого парня приставили ко мне. Я спросил, сколько ему лет, он ответил — шестнадцать, вот и стал Чжун Шилю.

Завистливые взгляды окружающих пришили Чжун Тяньюю по душе:

— Кто ж знает, сколько их всего. Знаю только, что в моем дворе двадцать один охранник-боевой практик и больше сорока обычных слуг.

Раздались восторженные вздохи. В конце концов, небо высоко, император далеко, и говорить можно было что угодно:

— Истинный род Чжун, знатный и богатый, даже императорским отпрыскам до них далеко.

Противники встали друг напротив друга на расстоянии десяти с лишним чжанов. Все взгляды были прикованы к ним.

Обычно Чжун Шилю следовал за Чжун Тяньюем, сохраняя безразличное выражение лица, словно тень. Теперь же, оказавшись под открытым небом, люди заметили, как он молод — даже отсутствие эмоций не могло скрыть детских черт.

Некоторые вдруг поняли, почему Сюй Жань, когда шла показывать дорогу, ошиблась человеком. Меч Линьшуан — это божественное оружие, и в его руках оно смотрелось невероятно гармонично.

Это полностью соответствовало эстетике боевых практиков: оружие и человек должны дополнять друг друга.

Небо оставалось затянутым тучами. Красная лента в волосах Сюй Жань развевалась на прохладном весеннем ветру, словно яркий прыгающий огонек.

Она четко сложила руки в приветствии:

— Прошу.

Чжун Шилю, держа меч, ответил поклоном.

Член инспекционной группы в черном, стоявший на северной трибуне, сурово произнес:

— Начинайте.

Никто из них не был склонен к лишним словам. Сабля и меч почти одновременно покинули ножны, и два пронзительных звона пронесли над ареной!

Зрители, не владевшие культивацией, невольно закрыли уши, но увидели лишь серебряную вспышку, подобную холодной воде. Чжун Шилу рванулся вперед вместе с мечом — один рывок, и он преодолел десять с лишним чжанов!

— Дзынь!

В тот же миг сабля и меч столкнулись. Сюй Жань на долю секунды опоздала, её сабля не успела набрать силу, пришлось развернуться, чтобы уйти от сильнейшего удара. Лезвие проскользнуло по клинку, яростная Истинная Ци столкнулась, разлетаясь искрами.

— Как быстро!

Меч Линьшуан был не просто быстр — его напор не ослабевал. В момент столкновения Сюй Жань едва увернулась, потеряв прядь волос у лба. Черные нити закружились в воздухе.

Лицо Чэн Цяньжэня побелело.

Сюй Жань, напротив, оставалась спокойной.

В тот дождливый вечер она видела не тот меч, и только сейчас по-настоящему разглядела его: весь клинок светился чистым, прозрачным светом, подобным осеннему инею. Он источал леденящий холод, накрывая всё вокруг, словно снег в лесу или одинокая луна над холодной рекой.

Холод по клинку хлынул в её меридианы. Она отразила удар обухом сабли и отступила — на целых семь чжанов!

Чжун Шилу перевернул запястье, сменив рубящий удар на горизонтальный. Меч слегка завибрировал, выпустив двенадцать лучей света.

Каждый удар был острее предыдущего. Сюй Жань реагировала мгновенно, не совершив ни одной ошибки, не оставив ни одной бреши.

— Дзынь! Дзынь! Дзынь!

Звуки ударов слились в непрерывный пронзительный гул, напоминающий крик журавля в ветреную погоду.

Чжун Шилу менял приемы всё быстрее, и переkreшивающаяся энергия меча рассыпалась, как звездный дождь.

Зрители, стоявшие ближе всех к арене, при виде одного только меча чувствовали холод, пробирающий до костей.

Леденящий блеск, пронизывающий холод — казалось, на поле опустился иней.

Хорош меч Линьшуан.

Чэн Цяньжэнь был дилетантом и понимал лишь, что меч этот страшен. Видя, в каком опасном положении оказалась Сюй Жань, он невольно вскочил.

А вот на террасе здания Цзяньань нашлись те, кто понимал суть. Старшие ученики смотрели сверху, охватывая взглядом всё поле боя. Их культивация была выше, и сегодня они пришли только ради того, чтобы взглянуть на Линьшуан.

— Действительно острый и смертоносный, недаром входит в Сто трактатов о божественном оружии.

— Если бы сейчас была осень, мощь самого меча раскрылась бы полностью, и он был бы еще на тридцать процентов сильнее!

— Сейчас он на стадии Очищения Ци: Завершение. А что будет, когда он достигнет просветления?

Вдруг кто-то сказал:

— Жаль, это не его меч.

Наступила тишина.

В конце концов, он всего лишь Мечник-слуга. Каким бы ни был талант, какой бы ни была техника владения мечом — у него даже собственного имени нет, о чем тут говорить?

У Сюй Жань было две сабли: Чжаньцзинь и Дуаньюй. Первая — яростная и властная, вторая — гибкая и прочная. Обычно она использовала Чжаньцзинь, с каждым ударом становясь сильнее, но сегодня взяла Дуаньюй и отступала снова и снова.

Это был не её стиль боя. И не стиль Академии Циншань. Они любили драться от души, а если сил не хватало — честно признавали поражение. Но сегодня Сюй Жань хотела победить, а значит, легкого пути не будет.

Ей приходилось тяжело, и сокурсники, видя это, злились, не понимая, что происходит:

— Сюй Жань! Ты спишь? Руби его!

Сюй Жань оставалась невозмутимой.

Чэн Цяньжэнь увидел, что Гу Сюэцзян по-прежнему спокоен, и с трудом взял себя в руки, снова сев на место. Хотя, если присмотреться, было видно, что лоб Гу-второго покрыт испариной.

Там, где проходила энергия меча, на камнях оставались следы инея, и вскоре всю арену затянуло холодом. В этой гнетущей, пугающей атмосфере никто больше не произносил ни слова.

Только Сюй Жань продолжала в том же духе: только защита, никакой атаки. Её движения были гибкими, как у травы на сильном ветру: пусть осенний иней беспощаден, она не сломается. Её сабля была легкой и изящной, касаясь меча лишь на миг, прежде чем отпрыгнуть, подобно весенней иве у пруда Тайе.

На террасе кто-то догадался:

— Что она задумала? Хочет измотать противника, используя минимум Истинной Ци?

— Очень смело. Если бой идет между равными, такой метод может сработать, когда не получается пробиться в лоб. Но её уровень чуть ниже, запасов Ци меньше, затяжной бой ей не на руку.

— Это очень рискованная тактика. Малейшая ошибка в защите — и она сама выроет себе могилу.

Чжун Шилю, возможно, не осознавал её цели, но как боец он никогда не позволял перехватить инициативу. Он прекратил атаку, и острое меча описало полукруг перед ним.

На арене появилась изогнутая осенняя луна. Это была сгустившаяся энергия меча.

Этот удар отличался от предыдущих — быстрых и смертоносных; напротив, он казался мягким и прекрасным. Свет лунного серпа отражался в детском лице юноши, и его до этого безжизненные глаза вдруг вспыхнули ярким блеском!

Лицо Сюй Жань изменилось. Стиснув зубы, она выставила саблю перед собой и бросилась назад. От столкновения сил арену заволочло пылью.

Гу Сюэцзян был предельно напряжен, он невольно бормотал себе под нос:

— Отступай, еще отступай... шесть, семь, восемь... девять...

Чэн Цяньжэнь заметил, что он считает шаги Сюй Жань.

Кто-то на террасе произнес:

— Она не избежит «Шуаньюэ», брешь уже появилась. Чжун Шилю сейчас нанесет решающий удар.

Не успели эти слова стихнуть, как из ослепительного лунного сияния раздалась три пронзительных крика!

Никто не успел разглядеть, как он нанес удар: тени меча множились, и из луны, словно три белых журавля, вылетели три клинка, устремляясь в атаку!

Самый быстрый прием из техники Линьшуан, наносящий удар раньше времени и отрезающий все пути к отступлению.

Впереди — заливающая всё «Шуаньюэ», позади — преграждающие путь «Шуанцинь».

Смертельная ловушка!

В тот же миг Сюй Жань отступила на одиннадцатый шаг, и Гу Сюэцзян внезапно сказал:

— Хорошо.

Сюй Жань, конечно, не могла его слышать, но это слово совпало с её внутренним счетом.

Она вдруг схватила саблю обеими руками и нанесла удар снизу вверх — вся её Истинная Ци внезапно взорвалась!

— БУМ!

Воздух содрогнулся от столкновения сил, раздался оглушительный грохот.

Взметнулся ураган, разогнав лунное сияние!

Угол её удара был коварным, и хотя сам прием должен был выглядеть хитроумным, в нем чувствовалась мощь, способная расколоть горы.

Один удар — и лунный свет рассеялся, белые журавли сложили крылья!

Это было похоже на каплю воды, которая после долгих лет наконец пробивает камень, или на потоп, прорвавший дамбу.

Долго сдерживаемый взрыв — чистое, ничем не замутненное освобождение!

Люди, не в силах сдержать восторг, закричали:

— Отличный удар!

На террасе тоже были удивлены.

— Оказывается, она отступала сотню приемов только ради этого удара.

— «Полет птицы в лес» — это сабельный прием с обратным хватом, он подразумевает сначала сдерживание, а потом мощный выброс. Использовать его сейчас было лучшим решением.

— Чтобы провернуть такое, нужно знать технику Линьшуан как свои пять пальцев. Похоже, стратегию для неё составлял настоящий мастер.

Чжун Шилю попятился, его широкие рукава развевались на ветру, он наносил удары один за другим, и ледяные вспышки меча сыпались дождем. Он нанес двадцать четыре удара, отступил к самому краю арены и, устояв, едва смог принять этот удар.

На каменном покрытии, исписанном рунами массива, осталась глубокая борозда — она змеилась по полу и остановилась всего в дюйме от его ног.

Ветер стих, сдув каменную крошку, и след будто растворился.

Из уголка рта юноши потекла струйка крови, он уперся кончиком меча в землю, энергия меча продолжала бурлить.

Ураган утих, пыль осела.

Он всё еще стоял.

Сюй Жань, стоявшая в десяти с лишним чжанах от него, была бледна как полотно.

В плане Гу Сюэцзяна, если этот удар потратит большую часть Ци, но не принесет победы, то все последующие действия Сюй Жань будут бессмысленны.

Худшее случилось: противник лишь ранен, но не повержен.

Гу Сюэцзян поднялся и слегка улыбнулся:

— На этом всё.

Чэн Цяньжэнь, даже будучи дилетантом, понял, что к чему, и встал вместе с ним.

— Одиннадцатый шаг — лучший момент. Сила «Шуанъюэ» на исходе, «Шуанцин» только начинает набирать мощь. Нельзя ни раньше, ни позже...

Вчера за обедом в доме Чэн Цяньжэня Гу Сюэцзян, боясь, что Сюй Жань забудет, твердил одно и то же:

— Если не победишь, сразу признавай поражение. Обязательно до того, как он начнет следующий прием!

Сюй Жань спросила:

— А какой у него следующий прием?

— «Шуантянь», самый сильный в технике Линьшуан. В связке с «Шуанъюэ» и «Шуанцин» это получается: луна заходит, птицы кричат, иней покрывает всё небо. Именно благодаря этой серии ударов Сун Цзюэфэй прославился, и его внесли в Сто трактатов о божественном оружии.

Техника Линьшуан существовала давно, но Сун Цзюэфэй, одна из Двух жемчужин Павильона Меча, после достижения Дао сам выковал себе меч, чтобы раскрыть мощь техники до предела. К сожалению, позже он сошел с ума, перешел на путь зла и на горе Дакунмин выбросил меч, отказавшись от своего Дао. Меч Линьшуан долго скитался, пока род Чжун не выкупил его за огромные деньги.

Прошло шестнадцать лет, всё изменилось. Кто-то забыл старого владельца меча, но никто не забыл его ледяного блеска.

Сюй Жань широко распахнула глаза:

— А я попробую. Вдруг получится отбить?

Гу Сюэцзян редко когда так холодно смотрел на неё:

— Не пробуй. У меня нет для тебя лекарства от сожалений.

Сюй Жань посмотрела на Чэн Цяньжэня. Тот как раз заваривал чай:

— Не смотри на меня. В таких делах лучше слушаться Гу-второго.

Сейчас Чжун Шилу стоял у края арены, их разделяло двадцать с лишним чжанов. После потрясающего удара Сюй Жань в битве наступил переломный момент, и все ждали следующего шага.

Юноша вытер кровь с губ, изменил стойку и опустил взгляд на меч.

В нем самом произошли едва заметные перемены. Мощная, непреодолимая сила начала

исходить от клинка.

Сюй Жань, находившаяся ближе всех, первой и острее всех ощутила это изменение.

По плану она должна была признать поражение.

Она повернула голову к краю арены. В море лиц она сразу увидела друзей и улыбнулась.

Они поняли, что она имела в виду.

Лицо Гу Сюэцзяна стало белым как мел.

В то же время Чжун Шилу внезапно рванулся вперед, его одежды развевались, острие меча собирало ослепительный серебряный свет, который становился всё ярче!

Энергия бурлила, пыль застилала небо, он подпрыгнул на десять футов в воздух и нанес удар!

Ослепительное сияние взорвалось, превратившись в мириады искр, которые хлынули вперед, словно морская волна.

Перемены произошли так быстро, что люди не успели даже охнуть, а Сюй Жань уже бросилась навстречу!

Встречая мощь меча, она видела закат луны, крики птиц и ледяной иней, покрывающий всё небо.

Но она не хотела отступать.

Она подумала: ни у кого нет лекарства от сожалений. Если не попробую — буду жалеть только я.

«Шуантянь» набрал полную силу. Свет был подобен звездному небу, а земля — серебряному инею.

Мириады лучей сплелись в огромную сеть и с грохотом обрушились вниз!

Сюй Жань взлетела в воздух, подавленная мощью меча, и не могла продвинуться ни на дюйм. Она внезапно закричала:

— Гора!

Следом мелькнула тень сабли, в которой чувствовалась мощь целой горы. Она врезалась прямо в сеть мечей, и снова раздался грохот.

Истинная Ци хлынула потоком, боевой дух пылал. Сюй Жань подняла голову и сквозь мириады серебряных искр увидела в глазах противника тот же боевой задор.

Битва дошла до той точки, где состязались уже не уровни и приемы, а дух, воля и мужество!

После грохота сабельный напор рассеялся, гора исчезла, и Сюй Жань снова крикнула:

— Ветер!

Длинная сабля закружилась, поднимая вихрь, и устремилась к сети мечей.

Она сама заранее прокричала свой прием — это был открытый вызов. Обычно так делают при обучении, в реальном бою — это табу.

На террасе здания Цзяньань кто-то наконец заметил неладное:

— Что это за техника сабли?

— Похоже... Армейская техника сабли Леян!

Сюй Жань использовала открытый вызов.

Потому что это была самая честная и прямая техника в мире.

Чжун Шилу был бледен, сияние меча стало еще ярче — «Шуантянь» не был сломлен.

Среди свиста ветра и звона меча послышался пронзительный треск.

Защитная Ци Сюй Жань была разорвана мириадами лучей, на её правой руке, державшей саблю, появилось множество ран, брызнула кровь, и она пошатнулась.

Зрелище было ужасающим, люди в страхе затаили дыхание, на арене воцарилась тишина.

Вдруг послышался резкий окрик Гу Сюэцзяна:

— Смени саблю! Бросай саблю!

Сюй Жань не колеблясьхватила «Чжаныцзинь», а «Дуаньюй» метнула в Чжун Шилу!

Остатки сабельного напора, подхваченные ветром, на мгновение преградили путь противнику.

Только на это мгновение — и Гу Сюэцзян снова дважды крикнул:

— Облака разойдись!

— Солнце взойди!

Сегодня был пасмурный день.

Но когда голос Гу Сюэцзяна стих, тяжелые тучи словно треснули, и на мгновение всё вокруг озарилось ярким светом!

Люди присмотрелись и поняли: никакого солнца не было, это засияла сабля Сюй Жань.

<http://bllate.org/book/21041/2140658>